

Б-44

Р-342,98

64

4x

ВЛАДИМИР БЕЛЯЕВ

ВАРВАРЫ С МОНОКЛЯМИ

(НЕМЦЫ В ПОЛЬШЕ)

Издательство „Правда“
Москва — 1941

Отв. редактор Е. ПЕТРОВ

Издательство „Правда“	Изд. № 1	
А43896	Заказ тип. 2688	Тираж 150 000
Статформат А—105×148 мм. 1 1/2 п. л.	Колич. вн. в 1 п. л. 43	
Цена 20 коп.	Подписано к печати 12/IX 194 г.	

Типография «Красное знамя», Москва, Сущевская, 21.

шем представлении с поведением людей. Железные законы войны объясняют, для чего противнику надобно уничтожить железнодорожные узлы, мосты, запасы горючего. Но разве можно найти логическое объяснение тому, для чего понадобилось немецкому летчику, спустившись на бреющем полете до верхушек деревьев, разбомбить стоящую поодаль шоссе возле Березы-Картузской одинокую хатку путевого сторожа, убить его самого, жену, двух годовалых детей?

Все немецкие злодеяния были необъяснимы с точки зрения нормального человека, и поневоле всегда напрашивался один и тот же вопрос: люди ли это делали или звери?

И когда приходилось видеть живых свидетелей немецких злодеяний, когда приходилось разговаривать с ними, каждый из них в конце своего рассказа, не задумываясь, определял фашистов совершенно точно: да, это звери. Самые настоящие звери. И если вы попытаете объяснить причины их поступков с точки зрения нормального разума, — потерпите неудачу. Поступки зверей часто бывают необъяснимыми.

Я записал рассказы беженцев. В них совершенно нет вымысла. За каждым из этих рассказов точная человеческая судьба. Они проливают свет на действия фашизма в завоеванных им областях.

НА ПЕРРОНЕ БЕЛОСТОКА

К перрону Белостокского вокзала подошел переполненный поезд. Худые, изможденные люди вылезают через окна, спускаются с крыш, их одежда испачкана дорожной грязью, густая шетина выросла на лицах мужчин, весь их скерб помещается в рюкзаках за спиной — там все, что осталось от своего угла, от семейного уюта, от накопленного за долгие годы тяжелого труда. Все благополучие этих людей разбито немецкими бомбами, погребено под развалинами одного из красивых городов Европы — под развалинами Варшавы. И оставив свою родину, растоптанную сапогами немецких варваров, люди бегут на восток, под защиту Красной Армии, и недаром многие из них, увидев на перроне красноармейца, смотрят на него широко раскрытыми глазами, смотрят с нескрываемой любовью, смотрят как на избавителя, который рано или поздно отомстит за их поруганное человеческое достоинство, за разрушенный очаг, за убитых детей, за все злодеяния немецкого фашизма.

Вместе с другими из вагона выскакивает молодая, но уже с прядями седых волос женщина с двумя детьми-близнецами. Держась за платье матери, они плачут, один из них, с лицом землистого цвета, посиневший от холода, заплаканный, несет большой чайник из белой жести.

— Юлек! Юл-е-е-ек! — кричит женщина в тол-

пу. Но никто не оборачивается. Все спешат мимо к повисшему над железнодорожными путями пешеходному мостику.

— Юлек! Юле-е-е-к! — еще с большим отчаянием кричит женщина. Она заглядывает в окна опустевших вагонов, она бежит с последней, угасающей надеждой вдоль состава, но все тихо. Посапывая, паровоз потянул пустой состав в парк, на перроне остается только женщина с детьми, мы да еще два беженца — пожилые крестьяне с загорелыми лицами и натруженными жилистыми руками. Малыши плачут все сильнее, им холодно здесь, на осеннем ветру, на мокром асфальте перрона.

— Пойдемте, соседка, — уговаривает женщину один из крестьян. — Он придет и отыщет вас.

— Я буду ждать его здесь, — говорит женщина. — Он не успел сесть на этот поезд, он придет следующим, — и женщина с огромной надеждой глядит на уходящие к Варшаве и поблескивающие в дождливых сумерках осеннего вечера рельсы.

— Он не придет, — тихо говорит нам один из крестьян. — Никогда не придет.

Вместе с другими беженцами, рассказали нам крестьяне, эта женщина подошла со своим мужем и детьми к советской границе. Немецкие солдаты загнали их в товарный вагон, стоявший

на путях, и вскоре туда в сопровождении солдата с фонарем вошел немецкий лейтенант. Он стал обыскивать всех желающих перейти на советскую сторону. Лейтенант забирал все: гребенки, автоматические ручки, сдергивал кольца с женских рук и подконец, видя, что добыча мала, стал срезывать ножом металлические пуговицы у тех мужчин, кто носил френчи форменного образца.

Муж женщины с двумя детьми — Юлиан Кемпский, железнодорожник из Кракова, — когда ему хотели срезать пуговицы с куртки, попробовал воспротивиться.

— Неужели ваша Германия так бедна, что нуждается в моих пуговицах? — сказал он.

Тогда лейтенант изо всей силы ударил его по лицу. Железнодорожник сдержался. Он ничего больше не сказал лейтенанту. Ему была дорога судьба его семьи. Он только молча вытер рукавом скользнувшую на подбородок из рассеченной губы струйку крови.

На берегу Буга лейтенант кричал, ухмыляясь, ограбленным им людям:

— Куда вы идете? К азиатам? Глупые скоты!!!

Первыми на советский берег стали переправляться в двух маленьких лодочках женщины и дети. С ними переправилась и жена Кемпского с детьми. Вслед за ними поплыли туда на плоскодонках мужчины. Но только лодки выехали на глубокое, по сигналу лейтенанта вспыхнули на

берегу два прожектора, их косые лучи скрестились на плывущих лодках, и враз с крутого берега по беженцам застрочил пулемет. Немцы расстреливали ни в чем неповинных беззащитных людей. Немногие спаслись во время этой переправы, немецкая пуля настигла и Юлиана Кемпского, когда он выпрыгнул из лодки, думая добраться до советского берега вплавь. Раненый в голову, он пошел ко дну. Оба крестьянина-беженца, рассказавшие нам об этом, помогли добраться вдове железнодорожника до Белостока, но у них еще не хватало решимости рассказать измученной женщине правду о гибели ее мужа.

ЛЮМИНАЛ ПО-НЕМЕЦКИ

Когда, спасаясь от гитлеровского террора, я шел к советской границе в Седлеце, нас задержал немецкий патруль. Немцы загнали беженцев в конюшню и принялись их там обыскивать. С одного они снимали куртку, с другого—ботинки, а третьего забирали пояс. Ничем не брезгая, они грабили все, что казалось ценным. Моя одежда не представляла для немцев никакого интереса: смоченная дождями, измазанная грязью от ночных привалов в придорожных канавах, изодранная, она выглядела, как рубище нищего. Но опытные пальцы обер-лейтенанта, который меня обыскивал, нащупали в кармане пиджака длинную стеклянную трубочку люминала. После страшных бомбардировок Варшавы это средство

помогало мне уснуть в длинные осенние ночи, когда привыкший к взрывам мозг напряженно ждал очередной тревоги.

Высокий рыжеватый лейтенант немедленно запустил руку в мой карман и вытащил лекарство. Глаза его разгорелись. Открыв пробочку, он понюхал лекарство, посмотрел трубочку на свет и спросил небрежно:

— Это что?

— Люминал, господин офицер.

— Люминал?

— Ну да. Это — средство от бессонницы.

— Ах, от бессонницы? Ну что ж, могу послать тебе пулю в лоб, тогда скорее заснешь! — и хрипло засмеявшись, обер-лейтенант опустил трубочку с люминалом в свой карман.

ДВОРНИКИ

В Белостоке осенью 1939 года мне показали худого старика с длинной седой бородой. Каждое утро он приходил к маленькому кафе на улице Сенкевича, у которого собирались беженцы, и молча, не принимая участия в их беседах, садился на каменную тумбу около мостовой и просиживал так часами. Однажды мы разговорились. Я спросил у старика, какая его профессия.

— Я дворник, — сказал старик, криво усмехнувшись.

Видя, что я не понимаю его шутки, старик рассказал мне свою историю.

Только гитлеровские войска заняли Лодзь — они немедленно переименовали главную улицу города в Гитлерштрассе. После этого фашисты согнали из всех кварталов самых почтенных и бородатых стариков и приказали им своими бородами смести с Гитлерштрассе «польскую грязь».

И вот каждое утро в течение нескольких дней можно было видеть, как по тротуарам и мостовым Гитлерштрассе ползают на коленях седые, изможденные люди и бородами сметают в кучи дорожную пыль, конский навоз и мусор.

Многие, не выдержав унижения, заболели, несколько человек сошли с ума. А на всех углах вдоль Гитлерштрассе во время этой процедуры стояли краснощекие рыжие фашистские молодчики и, довольные выдумкой своего командования, перекликались друг с другом, потягивали из фляг награбленный коньяк и пинали отстающих стариков тяжелыми прикладами карабинов.

ОТКРЫТКА ИЗ ВАРШАВЫ

Мой знакомый, жена и дети которого остались в протекторате, показал мне открытку.

— Читайте, — сказал мне знакомый, — вот последняя новость, которой меня порадовала жена.

Штамп польского генерал-губернаторства — одчоглавый черный орел и свастика — в нескольких местах проштемпелевал старые, еще довоенные польские марки и слова «Kartka pocztowa»

Ну что можно было написать на обратной стороне такой открытки, чтобы не пугать немецкого цензора, кроме обычных слов: здоровы, целуем, пиши?

В открытке дрожащим женским почерком было написано: «Живем очень хорошо. У Пакульских не были восемь месяцев. Завтра надо выполнять свой долг перед германской империей — ведем стерилизовать Тадика. Целую.

Ядвига».

— Вам трудно, наверное, понять, кто такие Пакульские, — сказал с горечью мой собеседник. — Дело в том, что в гастрономическом магазине братьев Пакульских на углу Нового Света и Хмельной можно было до войны купить любые продукты. Каждый варшавянин легко поймет: если человек давно не был у Пакульских, то это означает, что такому человеку очень голодно. Что же касается стерилизации Тадика, — еще с большей горечью добавил собеседник, — то, как видите, об этом можно писать совершенно открыто, не прибегая даже к самому наивному шифру. Тадик — это мой сын, Тадеуш.. Две недели назад ему исполнилось четырнадцать лет..

ВОСПИТАННИКИ МАРШАЛА ГЕРИНГА

Утром 5 сентября 1939 года на поле возле Лиды, покачиваясь, грузно опустился подбитый немецкий самолет. Три мальчика — дети железнодорожников — Стасик Каминский, Бронек Куя-

вяк и Антек Мархоцкий, бывшие поблизости, мгновенно бросились к месту посадки. Детям было интересно поглядеть, как выглядит настоящий самолет.

Когда запыхавшиеся ребята подбежали к черному самолету шагов на десять, оттуда послышалась дробь пулемета. Немецкий летчик в упор расстрелял детей пулеметными очередями, и они рухнули, как подкошенные, на примятую колесами самолета густую траву луга.

На выстрелы со станции ринулись ожидавшие поезда пассажиры. Они вытащили из самолета двух гитлеровских летчиков. Старшему из них было не больше восемнадцати. Этот пьяный выкормыш своего вождя при посадке заблевал всю кабинку, все приборы. Это он расстрелял из своего турельного пулемета подбегавших детей. Второй воспитанник воздушной армады маршала Геринга, безусый еще щенок, раненый во время воздушного боя в живот, лежал без сознания на дне кабины.

Врач-хирург П., которому пришлось оперировать в городской больнице Лиды этого летчика, рассказал мне, что перед операцией из его желудка был выкачано около литра коньяка.

БОРЬБА С ГРАБЕЖАМИ

Когда немцы заняли Варшаву, новый комендант города расклеил приказ, в котором торжественно сообщалось, что немецкие власти бу-

дут бороться с мародерством. Комендант призывал население сообщать ему о всех случаях грабежа. Однажды на рассвете в квартиру инженера Казимира Дембовского, который жил на Злотой улице, ворвались пять немецких охранников и принялись увязывать все вещи хозяина квартиры в скатерти и одеяло.

Доверчивый инженер, помня приказ коменданта города, выбежал в одном белье на балкон и стал звать на помощь.

— Грабят, — кричал он, — помогите!!!

Мимо проходил немецкий патруль, высланный комендантом города для поддержания порядка.

— Тихо, — скомандовал снизу начальник патруля, сытый, дородный фельдфебель. — Кто грабит?

— Немецкие солдаты, господин офицер. Спасите! — крикнул инженер, оглядываясь на дверь, ведущую в квартиру.

Фельдфебель медленно, не торопясь, вынул маузер, приложился, и через секунду инженер Дембовский с пулей в сердце упал на каменный пол балкона.

РЫЦАРИ

В кафе «Люрс», в Краковском предместье Варшавы, пили чай с сухариками из черного хлеба две польские девушки.

В холодные осенние дни 1939 года в такие вот

уцелевшие «кавярни», как «Люрс», забегало, чтобы на последние гроши согреться чашкой горячего чая или кофе, много варшавян.

В ту минуту, когда девушки собирались уже расплатиться и усиленно разыскивали глазами кельнера, в кафе, позванивая шпорами, ввалилось несколько пьяных немецких офицеров. Они шумно уселись за соседними столиками, и вмиг их громкий немецкий говор вставил смелкнуть все остальные голоса в кофейне. Девушки, не переговариваясь, сидели молча и заметили в страхе, что один из офицеров, нахального вида, белобрысый и почти безбровый откормленный лейтенант, развалившись в кресле и протянув перед собою длинные ноги в блестящих лакированных сапогах, прищурился одним глазом, пристально рассматривает их сквозь зажатый в другом глазу монокль. Мимо пробегал кельнер. Величественным, ленивым жестом офицер подозвал кельнера и, не сводя нахального взгляда с девушек, сказал тихо кельнеру несколько слов.

Вырастая у столика, занятого девушками, кельнер объяснил:

— Немецкий офицер требует ваши домашние адреса. Немецкий офицер предупредил меня, что если адреса окажутся ложными,— первую пулю за это получу я...

Девушки написали на бумажной салфеточке свой адрес. Обе они были сестрами и жили вместе.

Вечером этого же дня на квартиру, где жили со своей семьей девушки, пришел немец-ординарец. В руках у него были два тяжелых чемодана, набитых офицерским бельем. Ординарец поставил чемоданы на пол в передней, козырнул и протянул одной из девушек, вышедшей отворять, визитную карточку.

На ней размашистым почерком было написано:

„За то, что вы, польские свиньи, осмелились сидеть в кафе рядом с офицерами имперской армии, предлагаем вам к 8 часам утра завтрашнего дня выстирать, накрахмалить и отутюжить грязное белье офицеров, которых вы оскорбили своим присутствием“.

МОГИЛЫ В ЛЕСУ

На пути из Белостока в Варшаву есть окруженное лесами маленькое местечко Шепетово. Лес начинается сразу же за входными семафорами — поля и луга упираются в шоссе, идущее к Высоко-Мазовецку.

По другую сторону шоссе уже виднеется темная стена леса.

Я бродил по шепетовским лесам летом прошлого года и поминутно натыкался на следы боев, которые вели здесь остатки польской армии.

Там, где Мазовецкое шоссе пересекает линия железной дороги, валялся еще в придорожной канаве вверх колесами ржавый немецкий броневик

с полуоблезшей свастикой на боку. Жители местечка рассказывали: немецкий броневик стоял около железной дороги, охраняя расположенный в местечке гарнизон, когда по проселочной дороге из лесу на это же шоссе выехал польский танк. Бензин в баках танка был на исходе, давно вышли снаряды, восемь человек солдат сидели в нем в тесноте под защитой не очень надежной брони. Увидев броневик с ненавистной свастикой, солдаты решили принять последний бой — водитель отпустил тормоза, дал газ, и танк на большой скорости ринулся на броневик. Удар был сильный — сшибленный танком броневик сбил перила из железнодорожных рельсов и рухнул с откоса вниз. Вся немецкая команда была убита. Но и польский танк не выдержал силы удара и перевернулся. Прибежавшие из местечка немцы взломали его люки и, вытащив оттуда ошеломленных, еще не пришедших в себя от удара смельчаков, расстреляли их неподалеку в лесу. Я видел их могилу сразу же за придорожной канавой: деревянный крестик и надпись на нем:

*Здесь похоронено 8 польских солдат
13. IX 1939 года.*

Немцы справляли тут же, подле могилы расстрелянных ими пленных, тризну по поводу легкой победы над восьмеркой храбрецов.

Целую ночь по приказу своего коменданта, рассказывали жители местечка, отряд фашистов, расстрелявший пленных, пил здесь, в лесу, водку и ликеры.

На лесной лужайке под молодыми березами я нашел целую грудку бутылок из-под трофейной польской водки, ликеров и отечественного немецкого «Henkel Trocken». Вблизи чернел еще кружок от погасшего костра. Видно, упившись, палачи сидели вокруг костра и, заливая его пламя пьяной блевотиной, орали «Хорст Весель» и другие излюбленные марши.

На следующий день километра за два от того места, где пировали фашистские палачи, я нашел еще одну могилу. Окруженный рвом и зарослями боярышника, высился посреди густого леса поросший зеленой травой холм земли, из травы подымался железный крест, и на каменной глыбе, черневшей под ним, можно было прочесть местами покрытую мхом высеченную в камне надпись:

ТУТ ЛЕЖАТ
52 НЕМЕЦКИХ И 29 РУССКИХ СОЛДАТ,
ПОГИБШИХ ВО ВРЕМЯ БОЯ В ЭТОМ ЛЕСУ
В 1916 ГОДУ.

Эта никому неизвестная могила сразу же напомнила о недавнем боевом прошлом русского народа, а печальный для немцев итог, который

высекли они сами же здесь по-немецки на могильном граните, еще раз прозвучал как грозное историческое предупреждение для тех из них, кто надеялся безнаказанно пройти победным маршем по здешним густым лесам.

ПОБЕДИТЕЛИ ЗАБАВЛЯЮТСЯ

Все уже было испробовано: стариков заставляли чистить уборные, полякам запретили вход в кафе, посещаемые офицерами, для евреев учредили гетто, нарукавные повязки, деревянную обувь, уничтожили польские театры, школы, библиотеки, но в полуразрушенных, словно чудом уцелевших от бомбардировки домах Варшавы еще жили прежние обитатели этого города. Они ненавидели немцев страшной ненавистью; и немцы, чувствуя на каждом шагу эту ненависть, придумывали все новые и новые издевательства над польским народом.

Однажды немецкие патрули стали ловить на Мазовецкой улице случайных прохожих. Всех их собрали около подворотни дома, в котором разместился на постой отряд охранников гестапо.

Голодные, озябшие люди были построены в длинную очередь под высокими деревянными воротами, перетянутыми сверху рядами колючей проволоки.

Из окон первого этажа, в котором помещалась офицерская кухня, сквозь форточку на улицу про-

сачивался вкусный запах наваристого бульона, слышно было, как шипели на раскаленной плите сковороды, — то повара готовили для господ офицеров обед.

И голодные люди, едва стоящие на ногах от усталости, вынуждены были делать все, чтобы отгонять от себя эти вкусные и давно позабытые запахи обильной еды, на которую теперь могли рассчитывать только победители.

Поглядывая на часового, задержанные вполголоса переговаривались — никто не знал, зачем их задержали, для чего выстроили около подворотни: уборные ли снова чистить или пилить для офицеров дрова.

Неожиданно распахнулась калитка, и с засученными рукавами вышел молодой немецкий офицер. Он подмигнул выглянувшим в эту минуту из окон своим приятелям — офицерам — и скомандовал:

— Первый, за мной!

Офицер и первый стоящий в очереди старик скрылись в калитке.

Разговоры стихли. Очередь ждала, что будет дальше, методично расхаживал часовой, а из окон немецкие офицеры разглядывали сквозь свои монотонно стоящих в очереди, словно зверей, заключенных в клетку в зоологическом саду.

Прошло несколько минут, щелкнула задвижка калитки, и тот же офицер снова появился на улице. Но теперь руки его, обнаженные до локтей,

были окровавлены, а в левой руке он держал длинный забрызганный кровью поварской нож.

— Чего ждешь, польская свинья, просить тебя надо? — заорал офицер на стоящего в очереди вторым и сразу побледневшего мальчика лет четырнадцати.

Открывая ногой калитку, офицер толкнул мальчика во двор.

Добрых два часа продолжалась забава.

Офицер с руками, обгаженными кровью, то скрывался в подворотне, то снова выходил на улицу, хватал за шиворот следующего, а в это время высунувшиеся из окон офицеры, хохоча и подшучивая, щелкали «лейками», снимая стоящих под воротами побледневших от ненависти и страха людей, число которых все уменьшалось.

Последний вошедший во двор с улицы варшавянин, рассказавший мне эту историю, увидел, что на сосновом столе посреди казарменного двора лежит десятка два только что зарезанных индюков, а задержанные люди под руководством немецких поваров ощипывают их к офицерскому обеду.

Когда индюки были ощипаны, осмолены горячей соломой и выпотрошены, офицер, придумавший для потехи своих коллег эту милую забаву, выгоняя людей на улицу, сказал назидательно:

— Это вам, польские свиньи, маленький урок за то, что вы еще до сих пор не хотите понять, кто является хозяевами Варшавы!

МАРОДЕРЫ

На углу Хмельной и Маршалковской меня задержал немецкий патруль. Восемь часов вместе с другими задержанными мне пришлось разбирать обломки разрушенного бомбой дома. Фашисты приказали работать без пальто, офицер указал, где сложить одежду. Когда после окончания работы мы стали одеваться, каждый обнаружил, что его карманы за это время тщательно исследованы. Я оставил в карманах своего плаща старые очки; не найдя, кроме очков, в карманах ничего ценного, немцы выдавили из оправы стекла. Рядом со мной работал пожилой настройщик роялей. Патруль поймал его в ту минуту, когда старик выходил из аптеки, где он получал лекарство для умирающего сына. Ревизуя карманы настройщика, немцы нашли лекарство и разбили бутылочку тут же на камнях. Розовая сигнатурка, облитая лекарством, — вот все, что осталось теперь старику.

Нашелся среди нас один пострадавший — наивный человек, который стал требовать от охранника, чтобы ему немедленно вернули отобранные при обыске тридцать золотых. Разъяренный требованием гитлеровец немедленно стал избивать пострадавшего. Гитлеровец бил его прикладом карабина, приговаривая:

— Ты хочешь получить свои тридцать золотых? Получай, польская собака! Получай!

Фашист прекратил избивание лишь тогда, когда обливающийся кровью человек сказал, что он ошибся, что он вовсе не имел с собой тридцати золотых, а оставил их дома. Измученный тяжелой работой и всем виденным, я пошел домой. По дороге мне удалось купить у спекулянта за восемнадцать золотых буханку хлеба. Я радовался, что принесу ее домой жене, что теперь будет у нас еда на добрых два дня.

На мосту Кербедея меня снова остановил патруль. Потребовали документы. Я показал. Документы были в порядке. Тогда молодой офицер в белых перчатках, раздраженный тем, что ему не к чему придраться, сильным ударом кулака выбил у меня из рук буханку хлеба. Она упала в лужу грязи. Я бросился поднимать хлеб, но в ту же минуту один из гитлеровцев, видимо, желая угодить офицеру, изо всей силы ударил меня ногой в спину, и я рухнул лицом в грязь. Когда я, утирая лицо, поднялся, я увидел, что гитлеровец, ударивший меня каблуками тяжелых сапог, затаптывает в грязь мою буханку хлеба.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Страшная весть пронеслась среди жильцов нашего дома. В первой квартире идет обыск. обыщут первую — придут к нам. И хотя многие были приготовлены к ночным обыскам, однако каждый отгонял подальше мысль, что немцы так

скоро посетят наш дом. И вот пришел наш черед. Все мы знали, что ночной обыск — это не обычная ревизия в поисках спрятанного оружия; мы знали, что ночной обыск — прежде всего грабеж, а во многих случаях — и убийства.

Варшавяне, которые пережили подобные ночные обыски, предупреждали: все, что у вас есть ценного: обручальные кольца, серьги, портсигары, ожерелья, все золотые и серебряные безделушки, хрусталь и деньги, — выставляйте напоказ. Боже вас упаси что-либо спрятать из драгоценностей! Не надо злить зверей. Пусть они думают, что вы их не ждали, что не собирались прятать от них ничего, — может быть, они будут к вам немного милостивей. Если же ничего ценного на виду не окажется, немцы будут бить вас, пытаться, пока не добьются признания, где вы спрятали ценности.

Многие, кто еще не пережил обысков, следовали этим советам. Одна знакомая мне семья — бедные люди, жившие всегда в тяжелых условиях, — на последние деньги приобрела хрустальный туалетный прибор, для того чтобы откупиться от непрошенных ночных гостей.

Несколько раз я заходила к моим знакомым и каждый раз наблюдала, с какой огромной осторожностью ходили они вокруг этого поставленного на пустом обеденном столе блестящего туалетного прибора.

— Вот все наше спасение, — с грустной усмеш-

кой указывая на прибор, говорил мне глава семьи, старик-пенсционер, в прошлом учитель физики, — если это не поможет, не увидимся мы больше с тобой, Стася.

В ночь, когда беда посетила и наш дом, никто из его жильцов не ложился спать. Огни всюду были погашены, и все жильцы, от мала до велика, стараясь ничем не выдать себя, стояли у опущенных штор перед выбитыми окнами. Они прислушивались к тому, что творится во дворе.

В колодец двора из первой квартиры долетали оживленные голоса немцев. Сперва казалось — они мирно беседуют с хозяевами квартиры, но вдруг из окон ее донесся нечеловеческий женский крик. Позже мы узнали, что это кричала наша соседка. Гестаповец сшиб карабином ее мужа только за то, что тот попросил оставить ему медальон с портретом матери.

Мы жили во второй квартире.

С нами обошлись не лучше. Гитлеровцы были заметно обескуражены. Увидев на комодке нарочно приготовленные к их приходу вещи, они поняли, что мы предупредили их план, что мы знаем, каков смысл ночных обысков. Видимо, это задело их самолюбие. Вначале они притворились, что не замечают серебряного портсигара отца, моей рубиновой брошки, коралловых бус матери. Гитлеровцы с места в карьер перевернули вверх ногами все вещи в квартире. Чего искали — никто из них не сказал. Тесаками карабинов они рас-

пороли все подушки, засыпав комнаты гусиными перьями. Они прокололи мягкие кресла, а один из них со злости выстрелил в портрет Словацкого, который висел в комнате брата. В конце обыска немцы прикладом загнали нас всех в темную ванную, и, чтобы мы не могли зажечь в ней свет, один из них на минуту повернул выключатель, ударив тесаком по электрической лампочке. Уходя, немец закрыл на задвижку дверь. Долго до нас, стоящих у закрытой двери, доносились выкрики новых хозяев в квартире. Они шумели, передвигали мебель, кто-то заиграл на рояле, но тотчас же мелодию немецкого военного марша остановил обрывающий струны удар по клавишам: кто-то из фашистов разбил клавиатуру прикладом. Когда они проходили мимо нас, в прихожей грохнул выстрел, и матовое дверное стекло посыпалось со звоном из-под притолоки на кафельный пол ванной. Мы бросились в стороны и упали на пол. Вслед за первым выстрелом прогремел второй, третий. Проходя мимо ванной и как бы салютуя на прощанье хозяевам, гитлеровцы били в дверь из револьверов. Лежа на холодном полу, мы слышали, как визжат, врезываясь в стенку, револьверные пули; одна из них разбила зеркало, и осколки его осыпали нас. Мы пролежали так на полу до восьми утра. Утром, в восемь, пришла соседка, открыла дверь и сообщила, что немцев нет в доме. Все ценные предметы исчезли, шкаф, где висела одежда нашей семьи, был пуст,

даже деревянные плечики немцы унесли с собой, а на письменном столе отца один из них оставил пахучий след.

ЛИШЕННЫЕ КРОВА

Наступили холодные и голодные дни сырой, дождливой осени. Единственное, что нам еще оставалось, была квартира В ней мы могли скрываться, чтобы не видеть гитлеровцев, разрушивших Варшаву.

Пьяными выкриками, подчеркнута громким говором, топотом сапог эти звери в коричневых рубашках заглушали все другие признаки жизни в городе, развороченном от бомб.

Однажды я вышел в город, для того чтобы продать старый форменный сюртук покойного отца — учителя варшавской гимназии. «Авось, — думал я, — найдется практичный человек, который соблазнится хорошим, добротным сукном и купит сюртук для перешивки». Только нужда заставила меня медленно прохаживаться около развалин домов, держа в руке черный сюртук.

Под обгорелыми, задымленными стенами на Маршалковской было гораздо больше продающих, чем покупающих. Нужда заглушила во многих чувство стыда, выгнала их на улицу. Мне было тоже стыдно. Разве думал я когда-либо, что мне, доктору медицины, придется когда-либо спа-

сать от голода жену и детей, продавая последние вещи?

Вдруг меня ударили изо всей силы по затылку. Шляпа моя от толчка слетела в грязь. За спиной у меня стоял немецкий майор с моноклем, со знаком черепа на фуражке с высокой тульей.

— Почему не снял шляпу перед немецким офицером? — закричал он мне.

— Я вас не видел, — ответил я тихо.

— Теперь увидишь! — заорал майор и, выхватив у меня сюртук, закинул его в наполненную грязью воронку от бомбы.

Я хотел было поднять сюртук, но майор крикнул:

— Назад! — и выразительным жестом схватился за револьвер.

С пустыми руками я пришел домой.

— Трудно, — сказала мне жена, узнав, как я лишился сюртука, — но хорошо, что еще окончилось так, а то я могла бы не увидеть тебя вовсе, — и тут же она мне сообщила, что немцы собираются выселять польское население из некоторых центральных кварталов города.

Помнится, я, выслушав этот рассказ, не поверил словам жены: мне казалось невероятным, что немцы могут лишить нас последнего, что осталось у нас, — крова. Но следующее же утро доказало, как я был неправ.

Ровно в шесть часов утра, когда весь дом еще

спал, в двери нескольких квартир одновременно застучали приклады немецких карабинов.

— Выходи, — скомандовали и нам немцы.

Жена и я выбежали на лестничную площадку, где ожидали нас немецкий ефрейтор и солдат.

— Больше никого там нет? — спросил стриженный ежиком ефрейтор с розовыми мясистыми ушами — типичный налитый пивом пруссак.

— Остались только дети, — объяснил я ему по-немецки.

— Забирайте и детей! — приказал ефрейтор.

Пока жена одевала сонных и ничего не понимающих детей — семилетнего нашего сына Казика и четырехлетнюю Данку, я тихонько спросил у солдата по-немецки:

— Куда вы нас поведете?

— Внизу узнаете! — коротко ответил солдат, пропуская на лестницу ефрейтора, а вслед за ним и мою жену с детьми.

Ефрейтор по-хозяйски захлопнул дверь нашей квартиры. Я тоже потянулся было к дверной ручке, чтобы закрыть дверь и спрятать ключ в карман, но краснощекий ефрейтор остановил меня:

— Об этом мы сами позаботимся! — и он подтолкнул меня прикладом в спину.

Внизу под воротами был вывешен свежий приказ немецкого командования. Из этого приказа следовало, что все население нашего квартала и двух соседних улиц обязано в течение двух часов с минуты опубликования приказа покинуть

свои квартиры и предоставить их в распоряжение немецких властей. Тут же сообщалось, что каждый может взять с собой постельное и личное белье и верхнюю одежду. Я немедленно побежал вверх, обратно, чтобы взять вещи, о которых сообщалось в приказе, но ефрейтор остановил меня:

— Куда?

— Как же, здесь написано, что мы можем... — стал объяснять я.

Не дав мне договорить, ефрейтор поднял руку и величественно сказал:

— В приказе командования написано, что вы можете взять вещи в течение двух часов со времени его опубликования. Приказ был вывешен в четыре часа утра. Вы игнорировали его и спали. В шесть часов две минуты вы еще спали. Мы принуждены были будить вас. Теперь приказ потерял свою силу, и ваши вещи стали собственностью империи.

— Но, господин офицер, — вмешалась моя жена, — у нас же дети, близится зима, мы вышли в чем были. Разве четыре часа утра — это время для оповещения населения?

— Молчать! — вдруг багровея, закричал ефрейтор, и от минутного его спокойствия не осталось и следа. — Молчать, польские свиньи, скажите еще спасибо, что уходите отсюда живыми..

— Но куда же нам идти? — спросил я.

— На кладбище пока еще есть места! — ответил, ухмыляясь, ефрейтор.

...Две первые, относительно еще теплые, ночи мы прожили на спортивном стадионе, под его крытыми трибунами. Все розыски хотя бы какого-либо угла не привели ни к чему.

Близился декабрь, и временное потепление снова сменилось дождями, холодным ветром; несколько охапок бурьяна, которые я притащил из сараев лодочной станции, не спасали нас всех от холода. Мы перебрались на новый Варшавский вокзал. Незадолго до войны его подожгли немецкие диверсанты, но пожар был потушен, и часть комнат для пассажиров была еще пригодна для жилья. Правда, все они до подоконников были набиты такими же бездомными, как и мы, людьми — беженцами из Гдыни, Тчева, Торуня, но все же здесь было теплее, чем на стадионе. Однако и тут гитлеровцы не давали нам покоя. На рассвете они выгоняли беженцев на улицу, под дождь.

— Надо очищать вокзал «от мусора»! — смеясь кричали нам при этом в лицо охранники гестапо и подталкивали каждого прикладами.

От голода и вокзальной жизни жена и дети, которые не оправились еще от недавних бомбардировок, чувствовали себя все хуже и хуже.

Однажды жена с дочкой лежала в углу вокзального зала, а я пошел вместе с сыном раздобывать кипяток. Один из спящих по залу немецких солдат обратил внимание на болезненный вид жены и подошел к ней. Они разговорились. Сол-

дат сказал, что он поляк, но так как немцы не любят славян, то ему приходится скрывать свою национальность, и для этого он даже переименовал фамилию.

Осмотревшись, не видит ли его кто, солдат потихоньку достал из вещевого мешка плитку шоколада и отдал ее жене.

Этот его поступок не ускользнул от гестаповцев, которые следили за беженцами. Один из гестаповцев подбежал к солдату и предложил ему показать документы. Убедившись, что действительно имеет дело с немецким солдатом, гестаповец стал его ругать, с презрением кивая в сторону моей жены. Потом, передав солдата в руки проходившего патруля, гестаповец подошел к жене и, вырывая у нее плитку шоколада, закричал: — Не шоколад тебе жрать, а..

* * *

Вокзал разрушенной Варшавы был последним нашим «долговременным» приютом на польской земле. Вместе с сотнями других беженцев мы двинулись к советской границе. Мы знали, что там, за Бугом, на востоке, есть люди, которые своим тяжелым трудом завоевали себе свободу и которые сумеют понять нас и помочь нам, обездоленным фашистскими выродками. Тысячи поляков в дни дождливой этой осени двигались на восток, с нетерпением и волнением ожидая той минуты, когда смогут ступить они на свободную совет-

скую землю, откуда раньше каждую полночь радио приносило нам торжественные звуки «менденародувки» — «Интернационала».

Но еще не раз, пока, наконец, не увидели мы первых красноармейцев, пришлось нам встречаться на своем пути с немцами. Как жадные изголодавшиеся клопы, расплозились они по завоеванной польской земле, грабя и убивая непокорных ее обитателей.

Под местечком Калушиным нас снова задержал немецкий патруль. Немцы заставили нас восемь часов убирать уборные в своих казармах. Никаких принадлежностей не дали. Приказали все делать руками. Рядом со мной работал старик-беженец из Познани. Он попросил разрешения у часового, охранявшего нас, взять щетку.

— Мне трудно нагибаться, — сказал старик, — я человек старый, а вон у вас под забором стоит щетка свободная.

Часовой категорически отказал старику в этом. Через некоторое время, когда часовой отлучился, старик все-таки взял щетку. Когда часовой вернулся и увидел это, он вырвал у старика щетку и изо всей силы стал бить его по лицу. Старик упал на колени и заплакал, но фашист не переставал наносить ему удары, пока тот не упал без сознания.

В то время как мужчины работали в уборных, немцы всех женщин привели к себе в казармы. Немцы приказали им раздеться догола и, марши-

руя, петь польские песни. Тех, кто противился, они избивали шомполами.

Это было последнее испытание, которое вынесли мы, убегая из фашистского ада.

ПОД НОГАМИ ПАЛАЧЕЙ

До германо-польской войны я работал инженером варшавского водопровода. Служба моя была самой мирной — я должен бы следить за правильной работой механизмов, подающих воду в квартиры и учреждения Варшавы.

Но только началась война, я убедился, что для германского фашизма нет никакой разницы между мирными и военными объектами. Немцам было выгодно, чтобы у пожарных осажденного ими города не было чем заливать подоженные бомбами дома. Фашисты упорно добивались, чтобы в больницах не было ни капельки воды, чтобы мать не могла выкупать новорожденного ребенка, а мой сосед, старый профессор Варшавского университета, не мог выпить утром положенный ему стакан чая. Фашисты выполняли этот свой план со всей немецкой методичностью. С первых же дней войны их самолеты по очереди сбрасывали бомбы над Фильтровой улицей города. Там находились водопроводные фильтры, сквозь которые вода из Вислы поступала дальше, в водоразборную систему. На четвертый день войны все фильтры были разбомблены. Но мало испортить каче-

ство воды. Надо преградить ее доступ в город вовсе. Эту часть задачи взяли на себя немецкие диверсанты. То в одном краю города, то в другом на переключениях городских водопроводных магистралей раздавались таинственные взрывы. То будка водоразборная на воздух взлетит, то трубы после взрыва лопнут и фонтаны воды вырвутся из-под земли. Сперва в общем шуме и грохоте бомбардировок население не придавало большого значения этим мелким взрывам, но вскоре, когда вода перестала поступать в кварталы города, каждому стал ясен коварный замысел диверсантов. Многие спохватились, пожалели, почему как следует не охраняли водоразборные будки, но было уже поздно. В последние дни обороны Варшавы стакан простой воды стоил.. пять злотых. За такие деньги до войны вы могли пять раз пообедать. Но и за эту цену воду достать было трудно. Лишенный воды город пылал, как факел, и окружавшие его со всех сторон гитлеровские мерзавцы, глядя по ночам на огромное зарево, с удовольствием потирали руки.

Я рассказал сейчас вам о том, как немцы лишили большой город воды. Можно ли было заранее предусмотреть и этот их коварный план? Несомненно. Но мы нередко были беспечны и спохватились лишь только тогда, как немцы стали сбрасывать своих диверсантов, переодетых в форму польских железнодорожников и почтовиков, прямо на площади Варшавы, когда они захватили

нашу радиостанцию и, подделываясь под общий тон ее передач, сообщали лживые сведения о капитуляции Варшавы еще за две недели до падения города. История разрушения варшавского водопровода тоже весьма характерна в этом смысле.

После того как немцы сделали меня безработным, я решил бежать к вам, в Советский Союз. Варшава уже к тому времени была наводнена полчищами гестаповцев, каждую минуту любой из нас, ее обитателей, мог ожидать смерти. С тяжелым сердцем я покидал разрушенный, но по-прежнему родной для меня город. Я по природе не очень сентиментальный человек, но последние минуты своего пребывания в Варшаве я ходил по мрачным ее улицам и плакал навзрыд. Я видел обломки стен вместо прежних домов на Краковском предместье, на Злотой, Красивой, Хожей, я видел руины вместо Старого города и Крулевского замка. Я видел разбитые театры, библиотеки, госпитали, уничтоженные окраины, я видел пустые окна, забитые фанерой, жестью, картоном, и сердце мое наполнялось гневом к коричневым туннам, растоптавшим своими сапогами город, в котором я родился и вырос.

За предместьем Гроховым меня задержал немецкий патруль. Вместе с другими задержанными немцы привели меня в цитадель. Там нас встретил молодой офицер в белых перчатках и с моноклем. Он проверил мои документы и сказал:
— Значит, вы человек интеллигентный? Чудес-

но. Нам нужны интеллигентные люди. Пойдем со мной.

Мы пришли на пустынный задний двор цитадели, покрытый огромными лужами после недавнего дождя. Под сараем в этом дворе лежало два ящика с пулеметами. Офицер остановил конвой, огляделся и сказал мне:

— Если вы человек интеллигентный и к тому же поляк, то наверное умеете стрелять из пулемета. Ведь наверное стреляли в нас, когда мы наступали на Варшаву? А ну-ка, покажите свое умение. Стреляйте вон по той стене!

Я объяснил, что я человек штатский, что никогда в жизни не стрелял, тем более из пулемета, что вообще я никакого отношения к военному делу не имею.

— Чудесно, — перебил меня офицер. — Стрелять вы не обучены. Но пулемет-то носить вы наверное умеете. Давайте-ка, вытащите его из ящика и перенесите на другой конец двора.

Я выволок из ящика тяжелый пулемет и только собрался нести его, как офицер крикнул:

— У нас так не работают. Возьмите два пулемета.

Надрываясь, я положил себе на руки и второй пулемет, но выпрямиться с ними не мог и рухнул на колени.

— Ах, так! — закричал офицер. — Притворяешься! Лезь тогда в ящик! — И он навел на меня маузер.

Вокруг, ухмыляясь, стояли с винтовками напе-

ревес гестаповцы — им понравилась выдумка офицера. Я понимал, что стоит только мне не выполнить его приказа — они изрешетят меня пулями. Кое-как я залез в пулеметный ящик с маслянистыми стенками. Я улегся в нем боком, и в ту же секунду охранники захлопнули ящик крышкой. Кто-то из них вскочил наверх, и через минуту несколько десятков ног загрохотали у меня над головой. Тарабани ногами по крышке ящика, фашисты хриплыми голосами пели «Хорст Вессель». Это время показалось мне вечностью, и когда, наконец, я услышал, как скрипнули петли крышки, и снова ударило мне в глаза утреннее солнце, — оглохший, ошеломленный, я не мог понять сперва, где нахожусь.

— Крепкая скотина, — услышал я, словно сквозь сон, голос офицера. — А ну-ка, вставай!

Когда я вылез из ящика и, еще покачиваясь на ногах, выпрямился перед офицером, тот, поправив монокль, приказал дать мне лопату и вырыть тут же, во дворе, для себя могилу.

Клянусь вам, мне уже тогда было все равно. Я перестал чувствовать себя человеком; машинально я выбрасывал одну за другой полные лопаты земли и думал только об одном: поскорее бы умереть.

Могила была готова. Штурмовики сорвали с меня одежду и поставили меня на краю вырытой ямы. Офицер скомандовал:

— Фейер!

Не мигая, я смотрел прямо в дула винтовок. Я видел, как подпрыгнули при залпе их стволы, но не почувствовал никакой боли. Фашисты выстрелили в воздух. Позже я понял, что все это было придумано нарочно, но была минута, когда мне даже показалось, что штурмовики сочувствуют мне. Офицер выбрал их, и мне казалось, что ругает он солдат по-настоящему. Выругавшись, офицер стал меня расстреливать сам. Я видел, как блестел в его глазу монокль, когда он наводил на меня мушку черного своего маузера, но каждый раз пули проносились мимо, со свистом врезываясь в стену из песчаника.

— Ты смелый парень, — крикнул офицер, — выдержал экзамен. Надеюсь, сейчас-то ты будешь носить пулеметы?

После того как я заглянул в глаза смерти, я словно переменялся — я перестал чувствовать, что такое усталость; схватил оба пулемета и, сгибаясь под их тяжестью, понес их прямо через лужи в самый дальний угол двора, в направлении, указанном мне офицером. Но быстрый прилив сил так же скоро покинул меня. Изнемогая под тяжестью пулеметов, я уже собирался бросить их на землю, как вдруг офицер скомандовал:

— Назад! Рысью, марш!

Я притащил пулеметы обратно. Одежда моя была забрызгана грязью, желтые круги пошли перед глазами.

— Ты хоть интеллигентный человек, но ду-

рак, — очень ласково сказал мне офицер. — Возьми один пулемет, спеси его туда, потом вернешься, возьмешь другой.

Я подхватил один пулемет и помчался с ним на другой конец двора. Но только я приблизился к месту, где мне велено было оставить пулемет, снова позади раздался знакомый крик офицера:

— Назад! Рысью, марш!

Я вернулся.

— А зачем бегать по лужам? — сказал офицер. — Так можно перепачкать ботинки, костюм. Есть же более удобная дорога. Вон смотри, по мосткам!

Поиздевавшись еще немного, офицер выпустил меня из цитадели со словами:

— Теперь ты получил урок, мерзавец. Будешь следующий раз знать, как не подчиняться ультиматуму фюрера, будешь знать, польская свинья, кто настоящий хозяин Варшавы...

Полтора года назад, глубокой осенью, в пустынном дворе Варшавской цитадели этот офицер с моноклем целился в меня. Я стоял перед ним один, беззащитный и вооруженный одной только ненавистью. Офицер мстил мне за то, что мой народ осмелился не подчиниться его приказу.

Сейчас он, этот белокурый палач, занес оружие против нас всех. Он снова целится в меня, он целится в вас, он целится в мою новую родину. Но ему не удастся спустить курок. Нас — миллионы. В руках у нас оружие. Я слышу, как над нами

в высоком небе гудят, пролетая на фронт, тысячи краснозвездных самолетов, я слышу у себя за спиной теплое дыхание советских танков. В руке у меня надежная винтовка, сделанная руками моих новых братьев — честных советских тружеников, людей с добрым сердцем и ясными, благородными целями. Огонь священной ненависти горит в наших сердцах. Так бросимся же вместе, товарищи, на эту белокурую гадину. Уничтожим ее раз и навсегда!

ВАРВАРЫ С МОНОКЛЯМИ

Меня зовут Станислава Дашевская. До германопольской войны я работала в редакции одной из варшавских спортивных газет. Летом 1936 года вместе с польской спортивной делегацией мне довелось быть в Берлине на всемирной олимпиаде.

Олимпиада продолжалась три недели. И каждый день на трибуну, отделенную от простых смертных плотным кордоном полиции, подымалась тройка фашистских вожаков. Подымался похожий на обезьянку хромоногий человечек с лицом дегенерата — Геббельс. Еле передвигая ноги, заплывший жиром, выходил к барьеру толстый, обрюзгший Геринг. И вот наконец вслед за ними появлялся сам Гитлер — узколобый, с лицом профессионального убийцы.

Все три недели, что продолжалась олимпиада, я имела возможность из корреспондентской ложи следить за поведением Гитлера. Лицо его остава-

лось внешне спокойным все то время, когда на стадионе устанавливали свои рекорды спортсмены других стран, но видно было, что это внешнее спокойствие много стоило человеку с усиками, прижатыми к носу. Он нервничал, волновался, перешептывался с соседями, когда какая-либо из иностранных спортивных делегаций показывала слишком высокие рекорды. Стоило только появиться на стадионе фашистским спортсменам, как Гитлер мгновенно преображался. Ничего, даже самого малого, что отличало бы в нем главу государства, не оставалось в его облике. Теперь это был типичный мясник, чудовище с ухватками зверя. Толкая своих приближенных, он подсакивал к барьеру, перегибался через него и кричал. Его рот изрыгал самые нецензурные ругательства, какие только придумали отбросы человечества. Покрасневший от натуги, со сбитой на затылок форменной фуражкой, «фюрер», брызгаясь слюной, неистовыми криками подбадривал своих спортсменов. Багровый, с глазами, налитыми кровью, с низким лбом, с растрепанном чубом, он напоминал в эти минуты пьяного палача.

Даже сами фашисты понимали, насколько отвратителен и мерзок в своем якобы «спортивном азарте» Гитлер, обнажавший все свое низменное нутро зверя.

Корреспондентам газет под угрозой ареста фашисты запрещали фотографировать Гитлера в такие минуты.

Польская армия осенью 1939 года не смогла противостоятъ гитлеровским полчищам. Однако в тех местах, где во главе польских отрядов и воинских частей находились достойные и храбрые люди, — там поляки давали могучий отпор немцам. Так было под Модлином, так было на Вестер-платте под Гдыней, где выросли горы немецких трупов и где вооруженный польский народ наносил врагу весьма чувствительные удары. Наконец, почти месячная оборона Варшавы уже и тогда поколебала веру в непобедимость немецких армий.

Я находилась в Варшаве во время ее обороны и капитуляции. Я видела, как пьяные гитлеровские летчики, опускаясь над городом так низко, что колеса их машин едва не задевали труб, с необычайным удовольствием бомбили родильные дома, ясли и госпитали, хотя на крышах каждого из таких зданий были нарисованы огромные красные кресты. Я видела, как с немецких самолетов на улицы разгромленной Варшавы сбрасывались тысячи детских игрушек, вместо лака покрытых раствором иприта. У ребенка, который подбирал такую игрушку, ладони покрывались волдырями. Изнемогая от жажды, матери чуть свет выстраивались в очередь к нескольким уцелевшим водопроводным колонкам за водой для свсих больных детей, а немецкие летчики, прекрасно видя цель, поливали эти очереди ливнем смертоносных пуль из своих автоматических пу-

леметов. Никогда не забыть мне бульваров Варшавы, превращенных в братские кладбища, не забыть мне многих друзей, погибших от бомб немецких варваров.

Прежде чем войти в город, фашисты дали два дня сроку на уборку трупов. Жители Варшавы были предупреждены: если на улицах или бульварах будет найден хотя бы один труп, немедленно население подвергнется самым суровым репрессиям. Когда все трупы были убраны и зарыты, первыми в город ворвались ударные батальоны гестаповцев. Они маршировали в коричневых рубашках с изображением белого черепа и перекрещенных костей на груди.

А потом Варшаву посетил «фюрер». Накануне было объявлено, что если кто завтра в течение дня подойдет к окну или даже тень его из глубины комнаты упадет на оконные стекла или на подоконник, — немедленно этот дом будет обстреливаться немецкими патрулями. Боясь быть убитыми, жители уцелевших домов либо скрывались в чуланах, либо целый день лежали на полу. Моя знакомая семья занимала квартиру на Вежбовой улице. Чтобы не быть пораженными пулей пьяных фашистов, отец, мать и двое детей из этой семьи целый день пролежали ничком на полу.

Велико было удивление многих жителей города, когда спустя некоторое время после приезда «фюрера» в разрушенную Варшаву немцы стали показывать кинохронику, в которой изображалась

прогрессивным человечеством, растопчут коричневую гадину и что к тому времени, когда мой сын будет взрослым, могилы фашистов зарастут бурьяном.

Мне хочется сказать каждому советскому патриоту, отправляющемуся на фронт, каждому партизану, нападающему на лютого врага в тылу, мне хочется крикнуть всей славной Красной Армии, борющейся за дело освобождения всех поработанных людей, в том числе и моих земляков:

— Беспощадно бейте гитлеровскую нечисть!ничтожайте каждого коричневого гада! Отомстите фашистским вандалам за Польшу, Францию, Югославию, Грецию и другие страны!

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Да, это звери	5
На перроне Белостока	8
Люминал по-немецки	9
Дворники	10
Открытка из Варшавы	11
Воспитанники маршала Геринга	12
Борьба с грабежами	13
Рыцари	14
Могила в лесу	16
Победители забавляются	19
Мародеры	22
Однажды ночью	23
Лишенные крова	27
Под ногами палачей	34
Варвары с моноклями	41

11. 53 C.

56

